

Дмитрий ВИНОГРАДОВ ОНО ТЕБЕ НАДО

(РАЗГОВОР С САМИМ СОБОЙ)

— Дмитрий, опять ты ввязался в очередную конкурс. Что тебе там делать, если конкурс для одесситов или для тех, кто бывал в Одессе? Ты же там не был! Оно тебе надо?

— Надо, очень надо. Ну и что, что не был. Зато там был наш отец. Там в начале 1942 года в тяжелейших боях, защищая Одессу, стойко сражался наш отец младший лейтенант Леонид Дмитриевич Виноградов. В тот день, когда для него закончилась война, он был шестым за месяц ротным командиром.

— Ты прав! Но что тебе до Одессы, если тебя с ней ничего не связывает?

— Не скажи! Этот город приходит ко мне во снах. Разве забыть свою первую любовь Эллочку Усову? Она была уже достаточно взрослой девушкой и ходила во второй класс, а я — всего лишь в первый. При встрече с ней я глупо улыбался, но я был счастлив.

— Но придя в очередной, второй, класс, ты узнал, что родители увезли ее в солнечную Одессу.

— Да, было печально. За давностью лет даже лицо ее стерлось в памяти. В воспоминаниях лишь яркое светлое облачко с большим белым бантом вверху. И тихая радость... и счастье.

— М-да! К этому следует добавить, что в юности (и тоже уже далекой) одесситка Веточка-Светочка предпочла не тебя, а друга Николая и увезла его в Одессу. Шрам на сердце до сих пор остался.

— Ша, как говорят в Одессе! Не сыпь мне соль на рану. Зато я утешаю себя тем, что го-

род, который мне снится во сне, притягивает к себе самых лучших людей.

— Вероятно, это так. Но зачем тебе этот конкурс с отсутствием солидных призов, притом только начинающий свое существование? Разве тебе мало других литературных наград?

— Не все можно измерить деньгами. Но не использовать шанс поправить свои силы, чтобы попасть в город моей мечты... в город, в котором не было случая ступить на мостовые матушки-Одессы, оваянной теплым юмором, а заодно и всеми легендами моря.

— Ну, допустим, пригласят тебя получить лауреатский диплом или, на худой конец, диплом участника конкурса. После церемонии у тебя останется перед отъездом немного времени. Как ты его используешь?

— Прежде всего, я пройду к морю... по самому, как это возможно, кратчайшему пути. Здесь я совершу святощеннодействие — омоложение лица и рук, чтобы хоть на мгновение слиться с морем. Здесь я прочувствую ласковое дыхание морского ветра и поцелуй веков, вставших над Одессой. Затем, с сожалением бросив прощальный взгляд на бирюзовую дымку моря, я пойду гулять по благословенному городу (билет в обратную сторону жжет в кармане). И, тем не менее, не спеша поднимусь по Потемкинской лестнице и повстречаюсь с Дюком Ришелье. Если бы я мог сделать для Одессы хотя бы малую толику из сделанного им. Попрощавшись с ним, я двинусь...

— ...в сторону Дерибасовской?!

— И в сторону Дерибасовской! Но, прежде всего, я буду всматриваться в идущих навстречу одесситов...

— ...и одесситок.
— И особенно — одесситок. Ибо там проживают самые прекрасные женщины на Земле.
— Погоди! А как ты представляешь себе среднестатистическую одесситку?

— Это молодая особа ростом около ста семидесяти, с сияющими глазами и с пожаром румянца цвета роз. У нее улыбка загадочной феи и походка принцессы из грез.

— Жаль, что нельзя вернуть молодость. А если бы можно было вернуться в прошлое, то искал бы Дмитрий себе подругу жизни...

— ...в Одессе. И только в Одессе. Я стал бы, яко соляной столб, у самого знаменитого фонтана, невзирая на любую погоду. Быть может, прошел бы не один день. Но я ждал бы, когда появится она. И вдруг, идя стремительной походкой, сверкая красотой Афродиты, вышедшей из моря, она песней своих плеч заставит плясать в фантастическом танце струи фонтана. В вышине, пленяясь ее красотой, будет мчаться солнце, а день будет сиять счастьем.

— Дмитрий, а если она все же прошла бы мимо?

— Быть может... Но ее случайный взгляд обязательно царапнул бы до глубины. Быть может, она так и осталась бы мечтой. Понимаю, что со временем ушли бы напрасные мечты, но долго бы тот взгляд случайный мне душу будоражил тайной ее небесной красоты.

— Кстати, а что ты скажешь о не первой молодости одесситках, столь живописно поданных в миниатюрах Клары Новиковой?

— Некоторые изменения в фигурах одесситок представляются естественными. Это происходит от избытка доброты и юмора. По собственному опыту знаешь, что люди злые обычно худые.

— Мы как-то всё больше об одесситках да об одесситках... давай вернемся к одесситам.

— Слабость, понимаешь ли... Ведь ты знаешь, что слабый пол сильнее сильного в силу слабости сильного пола перед слабым. У красавиц-одесситок рождаются, конечно же,

сильные, мужественные и, разумеется, красивые лица мужского пола. Но главное их достоинство — это неистребимый талантливый одесский юмор. Благодаря им Одесса является мировой столицей юмора.

— Да! Замечательный город. Скорее всего, ни об одном городе не сложено столько песен, как об Одессе. Так и рвутся из души слова: "Ах, Одесса! Жемчужина у моря!"

— И неверные слова! Разве можно сравнивать саму Одессу с каким-то полудрагоценным камнем жемчужном? Это маленький кругленький мутноватый камешек. Сравнить этот величавый и чистый город можно только с бриллиантом неопределенного количества каратов. Слова же песни должны звучать так: "Ах, Одесса! Ты бриллиант у моря!" Думать надо, крепко думать, когда пишешь песни об Одессе.

— Дмитрий! Давай представим себе несбыточное... Вдруг ты занял бы первое место и тебе предложили самому пожелать или выбрать для себя награду. Что бы ты выбрал? Деньги, драгоценности, сувениры или что-либо еще?

— Я попросил бы принять меня в члены Всемирного клуба одесситов.

— Это зачем же тебе?

— Видишь ли, слово "одессит" — не только высокое звание, это — национальность. И при случае, если бы меня спрашивали, какая у меня национальность, я имел бы полное право ответить гордо: "Я — ОДЕССИТ". А это много значит.

— Пожалуй, ты меня убедил. Но все же — на случай, если тебе не повезет?

— А здесь не может быть неудачи. Никто не сможет отказать мне в праве пожелать одесситам, чтобы каждое утро было у них добрым, чтобы каждый день был светлым, и каждый вечер был теплым. Самой же Одессе-маме желаю, чтобы небо над ней всегда было голубым.

Беларусь.

Виталий АМУРСКИЙ

Опять простор
бескрайний скифский
Однообразен и уныл,
И ночь похрустывает кислым
Зеленым яблоком луны.

Колес вагонных стук
знакомый,
Ко сну склоняющий слегка,
Туч легких огненные кони
Вдали бегут без поводка.

Как сорок лет назад и больше,
В те дни, когда тут спела рожь,
И так же думалось, о Боже,
Как мир широк, как тесен все ж.

Поезд Киев — Одесса, май 2011.

Одесса alla prima

1. Жаркий день

Май — двойник Нерона —
Жжет дома Одессы,
Пляжи Ланжерона,
Камни-волнорезы.

Радугой косою,
Продолжая бег,
Черноморья соль
Бьет брег.

2. Багрицкий

Турок ли фелюги,
Греков ли шаланды —
Флибустьеров юга
Торсы шоколадны.

Пена голубая,
Музыка и стих
Рыбными губами
Лижут тени их.

3. "Привоз"

Как звонкий бег трамвая
И поутру метла,
"Привоза" речь хромая
Мне просто так мила.

Реконструкция одной прогулки

Валентине Голубовской

...И парус из книжки детской,
И карта с розой ветров

Отметятся речью веской,
Как музыкой, между строк.

А около — из ниоткуда —
Вдруг встретится взглядом
с тобой

Печальная, как Гекуба,
Дворняга на мостовой.

На Приморском бульваре

Одесским друзьям

Соляного замеса
Ветер с моря упруг...
Ах, Одесса, Одесса —
Мой спасательный круг!

Будто альфа с омегой,
Вдруг, смешавшись, сошлось:
Беня Крик и Онегин,
Дух азартный, как штосс!

А откуда-то свыше
Птичий слышится альта,
И, как палуба, дышит
Под ногами асфальт.

Броненосец "Князь Потемкин- Таврический"

Не все в зрачки уместится,
Но, как пунктир,
Потемкинская лестница —
Смещение перспектив.

И — моря даль безмерная,
Куда, не покорясь,
Ушел в бессмертие
Корабль-князь.

А там, где в тучах-клочьях
Небесный пережат,
Румынские и прочие
Чужие берега.

Чужой любовью тусклой
И музыкой чужой
Сошлись навек над русской
Размолотой душой.

На ароматы воздух щедр
Между каштанов и акаций,
Душе и сердцу не в ущерб
Его оттенки на закате.

Но только жителям мансард,
Где рядом черный хлеб
и кисти,
Стекает лучшей из массандр
Закат янтарно-золотистый.

Диск багрово-пунцовый
Незаметно сгорел,
У дворца Воронцова —
Ни гостей, ни карет.

Прочно заперты двери,
Лишь акации в ряд
В потемневших ливреях,
Будто слуги, стоят.

"За тенью Пушкина..."

Южные версты

Под радугой
сверкающе-изогнутой —
Дорога сквозь
дурманящий озон.
Подсолнухов
расплавленное золото
Стекает
за раскрытый горизонт.

Тень коршуна
тревожно невесома,
Как казака заточенный тесак,
И — тишина,
быть может, до Херсона,
Где узник ты —
у времени в тисках.

Похвальное слово генералу Инзову, начальнику управления иностранных колонистов Южного края

Иван Никитич Инзов,
Российский генерал,
Без клобука и ризы
Крестил — не выбирал.

Болгарина и грека
Брал под свое крыло.
Дух братства — лучший лекарь
В отечестве кривом.

Без церемоний барских:
Указ, и — свой уже!
Правитель бессарабский
По чину — не в душе.

Таким, смотрящим прямо,
Добро — не ремесло.

Ах, Пушкин, как же, право,
Тебе с ним повезло.

Третье отделение

1.

И вы, мундиры голубые,
И ты, послушный им народ...

Лермонтов.

Голубые мундиры
Видом не палачи.
Крысам — щели и дыры,
Этим — к душам ключи.

По дворцовым паркетам
Николаевский сыск:
За опальным поэтом
Тенью клеится Икс.

О, России проказа —
Боль и горе уму
На дорогах Кавказа,
В воронцовском Крыму.

Меньше дыма от ветра,
И еще унесет...
Только нет мне ответа:
Отчего это все?

2.

Наследникам
Бенкендорфа

Доколь жандарма
совесть гложет
И по ночам он плохо спит,
Не все потеряно, быть может,
Для человека, что в нем скрыт.

Но человек приличный вроде,
Как в тихом омуте вода,
В ком дух жандармский
тайно бродит,
Уже потерян навсегда.

Пьянящая свежесть озона,
Стрекозых порханий слюда!..
И счастлив я как-то особю,
Что снова добрался сюда,
Где, южным созвездьям

внимая,
В прожженных ветрами степях
Печальной медью Валдая
Отмечен украинский шлях,
Где неба полного губка
От пыли историй черна,
Но море такое, как будто
С ним Пушкин
простился вчера.

Франция, Париж.

